

**«Исключенные из памяти»:
проблема наследования национальной истории***

Юлия Зевако

¹Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

**“Excluded from Memory”:
The Question of Passing Down National History**

Yulia Zevako

¹Institute of History and Archeology,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

This article considers the (partial) “exclusion” or “self-exclusion” of the “complex heritage” descendants from the “inheritance” of the official narratives of national history. As a rule, such discourses rely on antagonistic logic. In the article, the idea of “complex heritage” descendants denotes people whose family history includes both representatives of mutually exclusive groups (from the point of view of different public discourses of memory). When any single discourse is dominant in the public space or in a competition between antagonistic discourses of national history, descendants of “complex heritage” must independently cope with the emerging internal tension and discomfort (if they arise). In this article, in the context of common European trends, the author shows and analyses different options for such reactions with reference to competing discourses of national history in Russia, i. e., “Triumph” (Victory in the Great Patriotic War) and “Tragedy” (the era of political repression), as well as the most massive public practice of memory dedicated to the Great Patriotic War heroes: the civil event known as the “Immortal Regiment”. The analysis refers to forty in-depth interviews conducted by the author in 2021–2023 with descendants of the repressed from the third, fourth, and further generations (as well as those who

* Citation: Zevako, Yu. (2023). “Excluded from Memory”: The Question of Passing Down National History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848.

Цитирование: Зевако Ю. “Excluded from Memory”: The Question of Passing Down National History // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848 / Зевако Ю. «Исключенные из памяти»: проблема наследования национальной истории // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848.

fought and showed themselves differently in the past). The author relies on the concept of antagonistic memory, supplemented by the ideas of Ts. Todorov on the principles of working with the “difficult past”, the theory of post-memory by M. Hirsch and others. As a result of the research, the author draws the following conclusions: first, the experience of “exclusion” from national history due to the lack of blood ancestors that give the right for “inclusion” into the “fundamental myth of the nation” really exists; second, in the conditions of (even unequal) competition of antagonistic discourses, the descendants of the “complex heritage” find themselves constrained between the narrow limits of each of them. At the same time, the need to meet externally set criteria and the impossibility of doing this lead to resistance to the imposed public antagonistic models of understanding the past; finally, those “excluded” from national history in one or different interpretations thereof, the descendants collect, preserve, and transmit their family histories as “heritage” in the full diversity and inconsistency, as life itself, and the circumstances in which their ancestors were placed.

Keywords: troubled past, memory of the Great Patriotic War, politics of memory, family memory, ancestors, descendants, national history, “complex heritage”

Рассматривается проблема полного или частичного «исключения» или «самоисключения» из наследования официальных нарративов национальной истории (выстроенных, как правило, в антагонистической логике) потомков «сложного наследия», то есть людей, в семейной истории которых одновременно оказались представители взаимоисключающих групп. В условиях доминирования в публичном пространстве какого-либо одного дискурса либо ситуации конкуренции антагонистических дискурсов национальной истории потомкам «сложного наследия» приходится самостоятельно справляться с внутренним напряжением и дискомфортом (если они возникают). В статье в контексте общеевропейских тенденций на примере конкурирующих дискурсов национальной истории в России – «Триумфа» (победы в Великой Отечественной войне) и «Трагедии» (эпохи политических репрессий), а также наиболее массовой публичной практики памяти, посвященной героям Великой Отечественной войны – акции «Бессмертный полк», – автор показывает и анализирует разные варианты подобных реакций. Основой для анализа стали 40 глубинных интервью, взятых автором в 2021–2023 гг. у потомков третьего, четвертого и далее поколений от репрессированных (а также воевавших и по-другому проявивших себя в прошлом) предков. Автор опирается на концепт антагонистической памяти, дополненный идеями Ц. Тодорова о принципах работы с «трудным прошлым», на теорию постпамяти М. Хирш и др. Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов: во-первых, переживание «исключения» из национальной истории ввиду отсутствия кровных предков, дающих право на «включение» в «основополагающий миф нации», действительно существует; во-вторых, в условиях даже неравной конкуренции антагонистических дискурсов потомки «сложного наследия» оказываются зажаты между узкими рамками каждого из них, а необходимость соответствовать заданным извне критериям и одновременно невоз-

возможность это сделать приводят к сопротивлению навязанным публичным антагонистическим моделям осмысления прошлого; в-третьих, «исключенные» из национальной истории в том или ином виде потомки собирают, сохраняют и передают как наследие свои семейные истории.

Ключевые слова: трудное прошлое, память о Великой Отечественной войне, политика памяти, семейная память, предки, потомки, национальная история, «сложное наследие»

Память о Второй мировой войне до сих пор определяет мнемонический и «мифологический ландшафт» [Bell]² европейских стран, в своей антагонистической логике часто игнорируя сложность восприятия и интерпретации прошедших событий непосредственными потомками (без)действующих лиц в прошлом. В своей статье, апеллируя к европейскому опыту и российскому контексту, я предлагаю сфокусировать внимание не столько на политике памяти и ее экспликациях в различных мероприятиях и акциях (тема, которой посвящено большое количество зарубежных и отечественных исследований), сколько на переживаниях и трудностях, которые испытывают современные потомки «сложного наследия» в условиях выстраивания на уровне государства непротиворечивых антагонистических нарративов вокруг триумфа/трагедии, героев/жертв Второй мировой и Великой Отечественной войн. Под *потомками «сложного наследия»* я буду понимать людей, в семейной истории которых одновременно оказались представители взаимоисключающих (с точки зрения разных публичных дискурсов памяти) групп – «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур» [Cento Bull, Hansen, p. 395]. Я предполагаю, что для таких людей существует проблема частичного «исключения» или «самоисключения» из наследования официальных нарративов национальной истории, которая проявляется не столько как общественно-политическая коллизия, сколько как коллизия внутренняя, связанная с их переживаниями и самоидентификацией. В данной статье я попытаюсь в контексте общеевропейских тенден-

² Дункан Белл в статье «Мифологические ландшафты: память, мифология и национальная идентичность» так раскрывает содержание этого явления (термина): «миф служит для того, чтобы сгладить сложность, нюансы, перформативные противоречия человеческой истории; вместо этого он представляет собой упрощенную и часто однозначную историю... Сложное взаимопроникновение мифа – как в его господствующих, так и в многообразных второстепенных формах – и органической памяти (воспоминания) лучше всего можно представить в контексте “национального мифологического ландшафта”. Такой мифологический ландшафт может быть обозначен как дискурсивная сфера, конституируемая временными и пространственными измерениями, в которых мифы нации выковываются, передаются, реконструируются и постоянно дискутируются» [Bell, p. 75]. Под «временным измерением» автор предлагает понимать «исторический промежуток, повествование о течение лет... которое будет включать, среди прочего, историю происхождения нации и последующие важные события и героические личности» [Ibid.]. Здесь и далее перевод цитат и терминологии автора статьи.

ций показать и проанализировать разные варианты реакций потомков «сложного наследия» на ситуацию доминирования какого-либо одного дискурса национальной истории.

Основой для анализа стали данные открытых источников, а также материалы более 40 глубоких полуструктурированных интервью с представителями третьего, четвертого и далее поколений от репрессированных предков (в рамках авторского проекта, посвященного анализу памяти об эпохе политических репрессий 1930–1950-х гг.). Интервью были собраны примерно в равной пропорции у мужчин и женщин от 18 до 60+ лет, преимущественно с высшим гуманитарным образованием, проживающих в крупных городах России. В рамках интервью многие информанты апеллировали не только к памяти о репрессированных родственниках, но и к семейной памяти о Великой Отечественной войне и о (не)воевавших родственниках, к существующим практикам памяти о них. Именно этот факт стал отправной точкой к размышлениям, представленным в данной статье.

Большое влияние памяти о Второй мировой войне на актуальную внутри- и внешнеполитическую повестку европейских стран отмечают многие исследователи. Как подчеркивает М. Сидди, вместе с крушением социалистического блока Вторая мировая война «составляет ядро нынешних официальных дискурсов памяти... является стержнем национальной и международной дискурсивной полемики о памяти XX века» [Siddi, p. 467]. Стремление в посткоммунистических государствах к созданию внутренне непротиворечивых нарративов, способных обеспечить «этническую и национальную солидарность» [Coakley, p. 532], с одной стороны, и (или) стремление вписаться в некий «космополитический стандарт» [Levy, Sznajder] памяти о войне и холокосте [Zombory], транслируемый в качестве «входных ворот» в сообщество развитых европейских стран, с другой, привели к разным моделям национальных историй, в каждой из которых присутствуют антагонистические элементы, предполагающие наличие неприемлемого Другого, обязательного к «исключению» из легитимного повествования. М. Сидди выделяет четыре европейских дискурсивных нарратива о Второй мировой войне, подчеркивая, что «наиболее непримиримым является конфликт между российским и восточно-центральноевропейским мнемоническим сообществом, [так как] прославление Красной армии в первом и сосредоточение внимания на ее преступлениях во втором [случае] приводят к взаимоисключающим нарративам» [Siddi, с. 467–468]. Усилению антагонизма способствует и принятие Европарламентом резолюции от 19 сентября 2019 г., закрепившей равную ответственность нацизма и сталинского тоталитаризма за возникновение войны [Importance of European Remembrance for the Future of Europe] и обозначившей тем самым всех так или иначе причастных к коммунистическому режиму в целом в качестве «морального зла» (в логике космополитической памяти [Levy, Sznajder; Cento Bull, Hansen]).

Айдентитарный и мобилизационный смысл национальных нарративов подразумевает ориентацию на непротиворечивый символ, на «мифологизацию» национального сознания [Assmann; Coakley; Bell], выстроенную вокруг «Триумфа» или «Травмы» (Б. Гизен) [Хлевнюк], «Героя» или «Жертвы» [Тодоров]. Как отмечает Ц. Тодоров, «мы», как правило, отождествляется «исключительно с безупречными героями и невинными жертвами», и между «нами» и «ними» выстраивается «крайняя дистанция», должна подчеркнуть особую «бесчеловечную» (то есть нечеловеческую) природу «злодея» [Ibid., p. 447]. Фигура «злодея» в любом случае номинируется в категориях абсолютного зла, однако если «злодей» (олицетворенный в конкретном человеке, группе людей или целом сообществе) экстернализован, он становится важным условием или фактором выстраивания национальной истории, если интернализован – персоной нон-грата, исключенной фигурой в национальных повествованиях, фигурой умолчания и (или) замалчивания (также на уровне конкретного человека, группы людей или целого сообщества).

Интерпретативная [Berger; David; и др.] и даже «реконструктивная» [McConnell, p. 6] природа памяти позволяет переформатировать представления о «героях», «жертвах» и «злодеях» прошлого с точки зрения настоящего. В таком случае символическому (и физическому?) «исключению» могут подвергаться не только непосредственные (не)участники исторических событий – те, кого в прошлом номинировали в качестве «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур», но и (потенциально) их потомки (потомки «сложного наследия»).

Применительно к памяти о Второй мировой войне подобные процессы переинтерпретации и формирования «эксклюзивной» памяти наблюдаются во многих посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Наиболее яркими примерами здесь являются страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва) и Польша. Анализу формирования и эволюции («историческому ревизионизму») памяти в этих государствах посвящено большое количество исследовательской литературы. Обозначим моменты, которые имеют значение для статьи.

М. Зомбори, рассматривая становление современной версии памяти в Латвии, Литве и Эстонии, обращает внимание на то, что «память о коммунизме родилась [здесь] как “восточноевропейский опыт” в ответ на универсалистское утверждение холокоста (воспринимаемого как западное). Ее колыбелью была не живая история народов, ранее живших под властью коммунистов, а транснациональные отношения сил в процессе расширения Европы» [Zombory, p. 15]. Эта память постепенно институционализировалась в мемориальные музеи с соответствующей антагонистической символической повесткой и «моральным тоном» [Ibid., p. 6], игнорируя «исторические сложности Второй мировой войны» [Ibid., p. 11]. Таким образом, «живая история» и непосредственный опыт жителей этих государств

(который мог быть вполне положительным в отношении коммунизма и отрицательным по отношению к другим акторам, то есть в целом неоднородным и противоречивым) оказался некоторым образом исключен из национального нарратива. Автор обращает внимание на то, что количество местных посетителей таких музеев чрезвычайно мало: «эстонцы составляют лишь 10 % посетителей Музея оккупации (всего около 1 000 человек в год); в Риге 75 % из ежегодных... посетителей составляют иностранные туристы, а большинство местных – студенты» [Zombory, p. 15].

Пример Польши позволяет увидеть еще один нюанс. Ж. Зубжицки отмечает, что «поляки вводят коммунизм... в длинную повествовательную линию завоевания, оккупации и угнетения со стороны могущественных соседей... посткоммунистический период рассматривается как последний этап в истории борьбы Польши за независимость, и поэтому переходный период воспринимается поляками в первую очередь как... путь построения национального государства» [Zubrzycki, p. 38]. Внутри такой национальной истории все «мы» – от отдельного человека до нации в целом – трактуются как «невинные жертвы» агрессии и «безупречные борцы» за независимость, а любые «они» – те, кто совершали насилие (в том числе коммунисты) – как «бесчеловечные злодеи», отделенные от «нас» «крайней дистанцией».

Антагонистический национальный нарратив не подразумевает возможности включения в «мы» «преступников» и «злодеев». Этим вполне объясняется реакция польского общества, интеллигенции и политических элит на исследование Я. Т. Гросса «Соседи: история уничтожения еврейского местечка». Небольшая книга, посвященная уничтожению поляками евреев в местечке Едвабне 10 июля 1941 г., вызвала, по словам Ж. Зубжицки, «повествовательный шок» и стала «ударом, нанесенным полякам как жертвам, обманутым историей», показав, что они были не только жертвами Второй мировой войны, но и «виновниками некоторых ее ужасов» [Ibid., p. 41]. Ж. Зубжицки отмечает, что «в ходе бесчисленных этнографических встреч и многочисленных интервью в 2001 и 2004 годах» информанты формулировали следующее убеждение: «польское преследование евреев – если оно вообще имело место – было в конечном итоге оправдано, поскольку оно осуществлялось в целях “самообороны”», и «евреи как соучастники советских преступлений несут ответственность за страдания поляков» [Ibid., p. 43]. Режиссеры М. Штурх и И. Чоп в фильме «Poklosie» (в русском переводе – «Колоски»), посвященном сюжету уничтожения поляками евреев во время Второй мировой войны, художественными средствами попытались показать сложности взаимодействия потомков с непростым наследием, доставшимся им от предков, и столкновения с «исключением» морально трудных сюжетов истории не только на уровне национальных метанарративов, но и в памяти отдельных людей и небольших сообществ.

Подобных примеров можно привести достаточно много, однако в контексте данной статьи важно отметить, что антагонистическая логика национальных историй о Второй мировой войне, предполагающая «исключение» памяти о сложных и противоречивых событиях, «преступниками» и «бенефициарами» в которых были представители собственного национального коллектива [Todorov, p. 447], характерна для большинства европейских (и не только) стран, в том числе для России. Несмотря на разнообразные попытки выстроить теоретические конструкции для «инклюзивных» национальных нарративов (теории агонистической памяти А. Центо Бул и Х. Хансена, симметрии памяти А. Ассман, концепции переходного правосудия и др.), можно утверждать, что эти идеи далеки от практической реализации и во многом зависят от внешнего политического контекста. Но не только. Т. Бергер отмечает: «процесс мнемонического дрейфа усугубляется сменой поколений, поскольку каждое новое поколение интерпретирует полученные исторические нарративы на фоне опыта, который все чаще резко отличается от опыта предыдущих поколений. Хотя в некоторых случаях это может привести к постепенному ослаблению эмоционального воздействия памяти, память часто получает новую силу благодаря связи с новым опытом» [Berger, p. 16–17].

Таким образом, если воспользоваться терминологией М. Хирш, диалог потомков «сложного наследия» с прошлым оказывается зажат между ассоциативной постпамятью (актуальным национальным нарративом), аффилиативной постпамятью (версиями прошлого, транслируемыми отдельными группами – «моральными сообществами») – для них характерны антагонистический подход и логика «исключения», и фамилиальной постпамятью – семейными историями о предках, которые в третьем, четвертом и далее поколениях от непосредственных участников или свидетелей событий нередко приобретают «инклюзивный» характер [Хирш].

Прежде чем обратиться к фамилиальному уровню постпамяти о репрессивном и героическом прошлом, кратко остановимся на том контексте и практиках (конкретно – на акции «Бессмертный полк»), которые определяют широкий аффилиативный и ассоциативный уровень постпамяти об этих событиях (предполагая, что несоответствие между ними у отдельных людей может порождать разного рода переживания по поводу «исключения» из памяти о победе в Великой Отечественной войне).

Особую популярность среди граждан Российской Федерации (и русскоязычного населения зарубежных стран) с 2012 г. стала набирать акция «Бессмертный полк». За несколько лет к 2019 г. численность участников акции выросла с 2 тыс. в Томске до 10 млн в России и по всему миру [Курилла, с. 204]. Такой успех акции И. Курилла связывает с особым эмоциональным отношением со стороны граждан к этой странице отечественной истории. Соответственно,

условное сообщество, сложившееся вокруг «Бессмертного полка», можно назвать эмоциональным сообществом, которое пользуется своеобразными эмоциональными практиками, цель которых состоит в том, чтобы «сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму» [Плампер, с. 433]. Такие практики способны порождать значения, создавать желаемые эмоции и контролировать их внутри соответствующего сообщества [Там же, с. 433–437], применяя наказание за их нарушение в виде «морального осуждения и исключения» [Лушников, с. 121]. «Бессмертный полк» дает пример эмоционального сообщества, основанного на живой связи с историей через историю своей семьи. Успех акции исследователи связывают с емким ярким названием, наличием простых правил и понятным алгоритмом действий [Kurilla, p. 2], а также с тем, что «в стране, где почти каждая семья хранит память о ветеранах войны или родственниках, погибших в 1941–1945 годах, каждый может присоединиться к шествию» [Курилла, с. 205].

Простота правил и последовательности действий для присоединения к «Бессмертному полку», вероятно, побудила многие миллионы людей, представителей третьего, четвертого и далее поколений, задавать вопросы своим родителям и родственникам: «А кто у нас воевал?», «А кем он/она был/была во время войны?». Поиску ответов на эти вопросы способствовали быстрое развитие сети Интернет в России и создание в 2010-х гг. открытых электронных баз данных, содержащих информацию как о предках – соиздателях и свидетелях «Триумфа», так и о предках – жертвах и свидетелях «Травмы»/«Трагедии».

Так, в 2007 г. при поддержке и финансировании государства был создан ОБД «Мемориал» [О проекте, 2022b], затем в 2010 г. – ОБД «Подвиг народа» [О проекте «Подвиг народа»], а с мая 2015 г. начал работать интерактивный сервис Минобороны России «Память народа». На его сайте сообщается, что «всего обработано и опубликовано в сети Интернет 16 581 899 записей о судьбах военнослужащих» (Информационный сервис «Память народа»).

Параллельно этому шел процесс по созданию электронных баз данных по репрессированным: в 2001 г. была создана первая такая база данных «Жертвы политического террора в СССР» на основе информации, собранной одной из российских общественных организаций, в 2007 г. она насчитывала уже 2,6 млн записей, а в 2017 г. – 3 млн 102 тыс. записей [Курилова]. В 2016 г. благотворительный фонд «Протяни руку» на основе БД одной из российских общественных организаций создал базу данных «Открытый список» по принципу «Википедии» – свободной энциклопедии, в которой граждане сами могут пополнять информацию [Иванушкин]. За год до этого в 2015 г. был создан проект «Бессмертный барак», который его основатель Андрей Шалаев называет «самой большой живой энциклопедией о репрессиях» [О проекте, 2022a]: она также устроена по принципу свободного дополнения информации читателями, но, в отличие от других анало-

гичных проектов, включает фотографии и истории людей, представляя память о репрессиях не только с информационной, но и с эмоциональной стороны. На 16 февраля 2022 г. на сайте «Бессмертный барак» была указана информация о том, что на нем «сохранено 2 144 513 имен». Кроме того, в 2016 г. сотрудники одной из российских общественных организаций опубликовали в сети Интернет базу данных «Кадровый состав НКВД. 1935–1939», в которой насчитывается 41 760 персоналий [Онлайн-ресурсы Центра документации]. Таким образом, обращение к семейной памяти, рост популярности «Бессмертного полка» и развитие открытых электронных баз данных по ключевым событиям национальной истории и национальной памяти XX в. шли одновременно.

И. Курилла отмечает, что акция «Бессмертный полк» поддерживает важное для существующего политического режима представление о Великой Отечественной войне [Курилла, с. 214], которое фактически в официальной риторике (сложившейся в 2000-е – начале 2010-х гг. после естественного ухода подавляющего большинства ветеранов из жизни) трактуется в духе «мифа основания нации» [Bell]. Успех этой символической интерпретации привел к тому, что в России многие стали воспринимать шествие «Бессмертного полка» как возможность встроить свой семейный нарратив в официальный, персонифицировать и индивидуализировать память о предках, «наложить» на родовую самоидентификацию национально-гражданскую» [Курилла, с. 216]. Выстраиваемый таким образом «миф основания нации» логически предполагает включение в эту нацию только категории «потомков победителей» и причастных к Победе (либо пострадавших от врага), как это было изначально зафиксировано в Уставе «Бессмертного полка» на его сайте (участвовать в акции может тот, чей предок был «ветеран армии и флота, партизан, подпольщик, боец Сопротивления, труженик тыла, узник концлагеря, блокадник, ребенок войны» [Устав полка]). В данном дискурсе слова знаменитой песни «От героев былых времен» («Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой») понимаются буквально: в каждой семье России имеется воевавший предок, каждая семья в России – потомки победителей. Информационные возможности и доступность открытых баз данных одновременно актуализировали и удовлетворяли массовый социальный запрос на поиск информации о семейной истории, на обнаружение и подтверждение наличия «своего героя».

Однако оказалось, что не во всех семьях есть «свой герой», подтверждающий принадлежность потомков к официальному нарративу Победы. Можно предположить, что часть людей, у которых не нашлось «своего героя», и их причастность к Победе не была подтверждена, могли ощутить некоторую «исключенность» из нарратива о Победе ввиду несоответствия критериям «потомков победителей». В такой ситуации, вероятно, оказались и многие потомки

жертв политических репрессий (и других предков, проявивших себя в прошлом социально неодобряемым способом): вместо включения в положительный «миф основания нации» на правах «потомков победителей» они могут быть (само)исключены из него и в этом смысле могут чувствовать необходимость определиться со своей позицией: где они в этом нарративе и кто они, если они не «мы»?

Отсутствие симметричности как одного из инструментов «включения» репрессированных групп, не причастных к Победе, в общий нарратив, усиливает и другие линии «исключения». Так, например, если человек как гражданин своей страны, родившись здесь, социализировавшись и получив гражданство, автоматически наследует национальную историю и национальную память своего государства (своей гражданской нации), то как человек из плоти и крови, как потомок своих предков – нет. На этот конфликт накладывается также противоречие между некоторыми общественными группами и государством. Как отмечал Дж. Олик, «память никогда не бывает единой, как бы ни старались сделать ее таковой различные силы. Всегда есть субнарративы» [Olick, p. 380]. Проблема заключается в том, что и доминирующий нарратив, и субнарративы выстраиваются в антагонистической логике, отмеченной Ц. Тодоровым и предполагающей «включение» одних, «исключение» других и наличие «крайней дистанции» между ними.

В силу своей сконцентрированности на семейной истории, семейной преемственности и изначально подчеркнутой аполитичности [Kurilla, p. 7] акция «Бессмертный полк» имела потенциал «инклюзивности» и была положительно воспринята разными сообществами внутри страны – как близкими к официальной политике памяти, так и других политических взглядов. «Кооптация» данной низовой инициативы одним из ключевых акторов памяти – государством [Ibid.] – в глазах представителей части общества сделала их участие в «Бессмертном полку» невозможным в силу иных политических убеждений³. Можно предположить, что «самоисключение» из акции могло приводить к символическому «исключению» из публичного наследования национальной истории в силу антагонистической логики дискурсов памяти разных политических акторов, вновь размежевывая родовую и национально-гражданскую идентификацию, фамилиальную и ассоциативную постпамять.

В ситуации конкуренции, противопоставления и противоборства разных версий памяти о Великой Отечественной войне наиболее уязвимым оказывается положение потомков «сложного наследия», которые обнаруживают себя на стыке антагонистических дискурсов. Анализ интервью помогает увидеть некоторые варианты логики этих переживаний.

³ Подробно сложный генезис и динамика развития акции «Бессмертный полк» в ее содержательном и институциональном аспектах рассматриваются в статьях И. Куриллы [Kurilla], Дж. Фёдор [Fedor] и др.

В ряде интервью можно отметить болезненность переживаний по поводу некоторой внутренне ощущаемой «исключенности» из общего публичного «нарратива Победы»⁴:

Хотелось бы родственниками гордиться (информант дискурсивно указывает на внутренний дискомфорт в ситуации несоответствия семейной истории «героическому стандарту» «национальной истории». – Ю. З.)... *я говорил, что прадед мог бы попасть на войну...* (социально одобряемый вариант биографии предка «военного времени». – Ю. З.), *то есть он был бы не репрессированным, а мог бы вернуться с фронта в орденах и медалях... и... мы могли бы еще гордиться бы ими, нашими родственниками...* (интонация сожаления и злости указывает на чувствительность для информанта невозможности вписать предка, а через него и себя в желательный и социально одобряемый национальный героический нарратив. – Ю. З.) (И17).

В обратном направлении (аналогично антагонистическом) – как отрицание государственной политики памяти – происходит самоисключение информантов из национального нарратива. Так, одна из информанток на вопрос «Есть ли у вас воевавшие предки?» сразу отвечает: *Нет... во время войны были трудармейцами*, – но через некоторое время спохватывается и вспоминает о прадеде, который *воевал и пропал без вести в 42-м году*. Ощущая напряженность для себя между фамилиальным уровнем постпамяти о репрессированных и ассоциативным – о воевавших, информантка словно уходит от довлеющего национального нарратива через его отчуждение и «забвение»: *Я немножко эту линию отодвигаю подальше от себя*. Однако, несмотря на сознательное сопротивление и самоисключение из ассоциативной рамки памяти о Победе, она признает важность для себя фигуры воевавшего предка, делая выбор в пользу индивидуальных и семейных, максимально автономных практик памяти: *Не знаю, когда я последний раз была 9 мая в Москве... В 22-м году я поехала просто на обелиск к этому прадеду-красноармейцу* (И140).

Антагонистичность двух дискурсов – «Триумфа» и «Трагедии», разворачивающихся на разных уровнях постпамяти, интуитивно считывается другой информанткой, которая в студенческие годы много занималась исследованием темы политических репрессий *из лично-*

⁴ Важно отметить, что не все потомки репрессированных, в семейной истории которых не было воевавших предков, испытывали от этого факта внутренний дискомфорт и напряжение, связанный с «исключением» из национальной истории. Так, на вопрос «У вас когда-нибудь было желание сходить на акцию “Бессмертный полк”?» одна из информанток ответила вполне в логике переживания «исключения»: *Если бы мне было с чем туда идти, я бы туда пошла. Да. Однозначно*. На уточняющий вопрос о том, не было ли сожаления, что не с кем пойти, она ответила: *Никогда не было такого момента сожаления, что не с кем пойти... Потому что я понимала – ну, значит, так сложилось. А что я могу здесь сделать – ну вот так. В чем-то другом, значит, я поучаствую* (И23).

го интереса, прямо любопытства, хотя у нее самой репрессированных родственников нет. В то же время она хорошо знает о воевавших предках (С маминой стороны воевал мой прадед, а со стороны отца – дедушка. И бабушка тоже воевала) и несколько раз ходила на акцию «Бессмертный полк» (Это очень интересное ощущение... что ты идешь по Красной площади с фотографией прабабушки, которая никогда там не была... [ощущение] какого-то подъема... какая-то в этом есть величина) (И27).

В этом фрагменте отчетливо видно успешное соединение «родового» и «национально-гражданского», ассоциативной и фамилиальной постпамяти о Победе, которые дополняют и усиливают друг друга. Однако включенность в дискурс «Трагедии» с научно-исследовательской и гражданской точек зрения оказывается в глазах однокурсников и близких знакомых ограничивающей рамкой: *Мне в тот момент показалось, что... от меня ждут – активистский какой-то [шаг]. А я – хоп! – и пошла с портретом [смеется] – в «Бессмертный полк». Как будто это из разного было. Как будто меня не поняли. Вот такое легкое трение возникло. При этом для самой информантки кажется нормальным и возможным соединением разного в одно: Ну вот я занимаюсь темой – интересно, ну вот есть память о родных – сходили. Одно не исключает другого и не подразумевает. Оказавшись между двумя публичными антагонистическими дискурсами, предписывающими определенные модели поведения и форматы мышления, информантка делает выбор в пользу семейной памяти вне зависимости от внешних предписаний: Если для кого-то это является странным – ну, о'кей, для меня – нет... Это моя семья, мои предки, поэтому я пойду (там же).*

Еще одна информантка, в семейной истории которой присутствуют репрессированные и воевавшие предки, «герои» и «жертвы», память о них располагает параллельно друг другу, избегая тем самым противоречивых с точки зрения внешних, публичных акторов памяти смысловых пересечений. Возможно, на это влияет тот факт, что о репрессированных родственниках и однофамильцах информантка узнала за несколько месяцев до интервью и в таком ракурсе о них еще не размышляла (*Я пока для себя не сформулировала это*), сконцентрировавшись в большей степени на поиске информации (*Мне нужно знать, потому что это относится ко мне*). Тем не менее, на момент интервью она уже отправила запросы на получение архивных документов по раскулаченным предкам (одна ветка родства) и по арестованному по политической статье прадеду (другая ветка родства), инициировала установление таблички «Последнего адреса» по репрессированным однофамильцам, тем самым проявив активную позицию и готовность к усвоению дискурса и нарратива «Трагедии». Однако на уровне фамилиальной постпамяти это не оказывается для нее (как и в предыдущем примере) препятствием к реализации практик памяти в отношении воевавших предков. Информантка подчеркивает:

9 Мая у нас всегда почиталось в семье (соединение ассоциативной и фамилиальной постпамяти о Победе. – Ю. З.), но сначала дедушка был жив, и о «Бессмертном полку» речи не могло быть; а когда она переехала в Москву жить и возник вопрос, идти или не идти, ответ стал очевиден: Конечно, мне нужно было [смеется] дедушку пронести по Красной площади. Для информантки государство как основной актор памяти в этом национальном нарративе оказывается только помощником в реализации долга семейной памяти:

Меня никто ни разу туда не звал, никто никогда не говорил, что нужно делать... Для меня это только я и портрет моего деда. Единственно... я опасалась (в 2022 г. – Ю. З.) идти в места скопления людей... [но] за счет того, что ребята там стояли в бронжилетах, и меры безопасности были достаточно серьезные... Вы государство упомянули – они, наоборот, позволили мне... отдать должное (И21).

Эмоции негодования по поводу сложностей при поиске и запросе документов в ведомственных архивах, злости на несправедливость государственной системы по отношению к репрессированным, желания эту несправедливость исправить возвращением информации в семейную историю и публичное пространство (установление табличек «Последнего адреса») оказываются для информантки изолированными и автономными внутри дискурса «Трагедии», существуя параллельно эмоции благодарности государству в обеспечении возможности перформативного воплощения памяти о Победе. Таким образом, «герметизация» дискурсов и их низведение на уровень семейной истории позволяют информантке преодолевать антагонистические интенции обоих нарративов.

По-другому осмысливается «сложное наследие», доставшееся потомкам от своих предков, которые принадлежали не только к категории репрессированных и воевавших, но и к тем, кого можно назвать предателями: в первом случае это категория доносчиков, во втором – коллаборационистов.

В семейной истории одной из информанток получилось так, что по материнской линии мужа его родная прабабушка написала донос на своего бывшего мужа (его родного прадеда), которого вследствие этого в 1937 г. арестовали. Вскрылась эта деталь биографии после знакомства с архивно-следственным делом прадеда. Из другого архивно-следственного дела информантка узнала том, что ее собственный прадед был арестован и осужден по политической статье также в 1937 г., и в своих показаниях в протоколе допроса он указывал фамилии своих односельчан. Были в семье и воевавшие предки: один родной прадед информантки погиб в 41-м году... под Серпуховом... о нем практически ничего не известно, другой прадед попал в плен, где провел три с половиной года, был завербован и, возможно, участвовал в карательных операциях – по крайней мере, так было написано

в выписках из материалов фильтрационного дела, с которыми она познакомилась.

Все эти истории вызвали у информантки смешанные чувства: *Это, конечно... и пережить, и переварить это сложно...* Но если информантка нашла для себя внутренние возможности примирения с непростым наследием, доставшимся от предка, для других родственников это оказалось не так просто: *внучка стала в позицию суда – что он действительно изменник и принимал участие в карательных операциях.* На вопрос, какое это имеет значение сейчас, ведь это было 80 лет назад, она отвечает: *По логике – да, никакого не должно быть, ведь я его даже не знала... Но ведь это какое-то иррациональное, личное чувство. Ну... мы хотим же гордиться нашими предками* (ср. с И7). После рассказа о воевавшем прадеде и поездке на братскую могилу, чтобы *отдать, так сказать, свой долг памяти* (учитывая то, что информантка принципиально не ходит на акцию памяти «Бессмертный полк»), мы имеем аналогичный предыдущему пример ухода от ассоциативной постпамяти к фамилиальной, от публичного и коллективного действия – к индивидуальному, «своему»), информантка вновь обращается к *стыдной истории* с маминой стороны, подчеркивая, что *никто даже не будет слушать моих пространных.. объяснений по поводу того, что, может быть, оно так, а может быть, и не так, и мы вряд ли это узнаем, и не то, чтобы я ее [этой истории] стесняюсь, но не с кем даже просто обсудить это...* (И34).

Чувствительным и важным для потомков «сложного наследия» оказывается то, что антагонистический дискурс национальной истории не предполагает открытого рефлексивного обсуждения «исключенных» фигур: в публичном пространстве им отведено определенное место, оттеняющее и подчеркивающее героизм других. Это обстоятельство усиливает внутренний дискомфорт и напряжение у информантки, переживания которой по поводу непростого прошлого предка и сложных страниц истории страны оказываются в сфере публичного осуждения, но не обсуждения.

* * *

В современном мире отчетливо прослеживается тенденция к усилению антагонистических интерпретаций национальных историй. Правительства европейских, особенно посткоммунистических стран активно используют память о Второй мировой войне как инструмент достижения политических задач, в том числе для формирования национально-гражданской идентичности и «мифов основания нации» [Bell] через переинтерпретацию образов «своих» – «безупречных героев и невинных жертв» и «чужих» – «бесчеловечных злодеев» (Ц. Тодоров). Крайняя дистанция между «нами» и «ними» культивируется не только в межгосударственных отношениях, но и внутри самих государств – через разнообразные институции, дискурсы и практики

памяти. Однако непротиворечивые и гомогенные национальные нарративы, выстроенные в антагонистической логике, направленной как вовне, так и внутрь государства, предполагают «включение» в группу (национальный коллектив) одних и «исключение» из наследования национальной истории других. При этом «экслюзивная» логика данных конструкций оказывается нечувствительной к тому, что в статье обозначено как «сложное наследие» – ситуации, при которой отдельный человек оказывается потомком представителей взаимоисключающих групп – «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур» [Cento Bull, Hansen, p. 395].

На примере конкурирующих дискурсов «национальной истории» в России – «Триумфа» (победы в Великой Отечественной войне) и «Трагедии» (эпохи политических репрессий), а также наиболее массовой публичной практики памяти, посвященной героям Великой Отечественной войны – акции «Бессмертный полк», – показаны и проанализированы разные варианты реакций потомков «сложного наследия» на доминирование в публичном пространстве какого-либо одного из дискурсов, переживания внутреннего напряжения и дискомфорта по этому поводу (если оно было) и способов совладания с ними. Надо отметить, что переживание «исключения» из национальной истории ввиду отсутствия кровных предков, дающих право на «включение» в «основополагающий миф нации», действительно существует. Такое «исключение» (или «самоисключение») по формальным признакам может восприниматься как очень чувствительное и болезненное, иногда – достаточно нейтрально, как данность. В условиях даже неравной конкуренции антагонистических дискурсов потомки «сложного наследия» оказываются зажаты между узкими рамками каждого из них. Необходимость соответствовать заданным извне критериям и одновременно невозможность это сделать приводят к сопротивлению навязанным публичным антагонистическим моделям осмысления прошлого. Одним из способов сопротивления становится «уход» (насколько это возможно) от ассоциативного и отчасти аффилиативного уровней постпамяти к фамилиальному – либо через «герметизацию» разных дискурсов, либо через создание собственной «инклюзивной» модели памяти на уровне семейной истории, либо другими способами. Как правило, этот процесс сопровождается не отказом от самого предка («дискредитированного» или «дискредитировавшего» себя с точки зрения какого-либо публичного дискурса) и «стыдной» памяти о нем, а стремлением *защитить память своего предка, чтобы о нем не думали хуже, чем есть на самом деле* (ИЗ4).

«Исключенные» из национальной истории в одной или разных ее интерпретациях, потомки собирают, сохраняют и передают как наследие свои семейные истории в той полноте многообразия и противоречивости, которой полна сама жизнь, и обстоятельств, в которые были поставлены их предки. Практики, которые вырабатывают по-

томки «сложного наследия» при взаимодействии, с одной стороны, с «трудным прошлым» своей семьи (и своей страны), с другой – с публичными акторами памяти и их версиями национальной истории, дают представления о возможных подходах к выстраиванию «инклюзивных» моделей национальных историй, и в этом смысле они уникальны и требуют дальнейшего изучения.

Список информантов

№	Пол	Поколение от репрессированных	Родственная связь с репрессированным	Год записи интервью	Дополнительная информация
И7	м	4-е	Родственник	2021	–
И21	ж	4-е	Родственник	2022	3-е поколение от воевавших предков
И23	ж	4-е	Родственник	2022	–
И27	ж	4-е	Не родственник	2022	–
И34	ж	4-е	Родственник	2022	–
И40	ж	4-е	Родственник	2022	–

Библиографические ссылки

Иванушкин Г. Фонд «Протяни руку» открыл базу данных репрессированных в СССР // Агентство социальной информации : [сайт]. 2016. 4 мая. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2016/05/04/126007/> (дата обращения: 11.03.2022).

Информационный сервис «Память народа» // Министерство обороны Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://mil.ru/commemoration/memorial/pamyat_naroda.htm (дата обращения: 15.02.2022).

Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М. : Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Курилова А. В «Мемориале»⁵ насчитали 3 млн репрессированных // Коммерсант.ру : [сайт]. 2017. 6 дек. URL: www.kommersant.ru/amp/3488108 (дата обращения: 15.02.2022).

Лушников Д. А. Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 5 (70). С. 116–122.

О проекте // Бессмертный барак : [сайт]. URL: <https://bessmertnybarak.ru/about/> (дата обращения: 15.02.2022а).

О проекте // ОБД-Мемориал : [сайт]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (дата обращения: 15.02.2022б).

О проекте «Подвиг народа» // Подвиг народа. 1941–1945 : [сайт]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=nav>About> (дата обращения: 15.02.2022).

Онлайн-ресурсы Центра документации // Музей истории ГУЛАГа : [сайт]. URL: <https://gmig.ru/visitors/document-center/online-resources> (дата обращения: 16.02.2022).

⁵ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации и ликвидирована.

- Плампер Я. История эмоций. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 568 с.
- Устав полка // Бессмертный полк : [официальный сайт]. URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата обращения: 15.02.2022).
- Хириш М. Поколение постпамяти : Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое изд-во, 2021. 428 с.
- Хлевнюк Д. Бернард Гизен. Триумф и травма // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 112–117.
- Assmann J. Communicative and Cultural Memory in Cultural Memory Studies // *An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll and A. Nünning. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2008. P. 109–118.
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British J. of Sociology*. 2003. Vol. 54 (1). P. 63–81.
- Berger T. War, Guilt, and World Politics after World War II. Cambridge, MA : Cambridge Univ. Press, 2012. 259 p.
- Cento Bull A., Hansen H. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9 (4). P. 390–404. DOI 10.1177/1750698015615935.
- Coakley J. Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10, № 4. P. 531–560. DOI 10.1080/13537110490900340.
- David L. The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights. Cambridge, MA : Cambridge Univ. Press, 2020. 243 p.
- Fedor J. Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the “Immortal Regiment” Movement (Chapter 11) // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko ; foreword by A. Etkind. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. P. 307–345.
- Importance of European Remembrance for the Future of Europe. 19 September 2019 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 15.02.2022).
- Kurilla I. Understanding the Immortal Regiment: Memory Dualism in a Social Movement // *Europe-Asia Studies*. 2023. Vol. 75, № 3. P. 1–20. DOI 10.1080/09668136.2023.2197179.
- Levy D., Sznajder N. Memory Unbound : The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *Europ. J. of Social Theory*. 2002. Vol. 5, № 1. P. 87–106. DOI 10.1177/1368431002005001002.
- McConnell T. Memory Abuse, Violence and the Dissolution of Yugoslavia: Theoretical Framework for Understanding Memory in Conflict // *Innovation: The Europ. J. of Social Science Research*. 2018. Vol. 32, № 3. P. 1–13. DOI 10.1080/13511610.2018.1508334.
- Olick J. Introduction: Memory and the Nation: Continuities, Conflicts, and Transformations // *Social Science History*. 1998. Vol. 22, № 4. P. 377–387. DOI 10.2307/1171569.
- Siddi M. The Ukraine Crisis and European Memory Politics of the Second World War // *Europ. Politics and Society*. 2017. Vol. 18, № 4. P. 465–479. DOI 10.1080/23745118.2016.1261435.
- Todorov Tz. Memory as Remedy for Evil // *J. of Intern. Criminal Justice*. 2009. Vol. 7, № 3. P. 447–462. DOI 10.1093/jicj/mqp017.
- Zombory M. The Birth of the Memory of Communism: Memorial Museums in Europe // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, № 2. P. 1–19. DOI 10.1080/00905992.2017.1339680.
- Zubrzycki G. History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology // *Qualitative Sociology*. 2011. Vol. 34, № 1. P. 21–57. DOI 10.1007/s11133-010-9184-7.

References

- Assmann, J. (2008). Communicative and Cultural Memory in Cultural Memory Studies. In Erll, A., Nünning, A. (Eds.). *An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, N. Y., Walter de Gruyter, pp. 109–118.
- Bell, D. (2003). Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. In *British J. of Sociology*. Vol. 54. No. 1, pp. 63–81.

Berger, T. (2012). *War, Guilt, and World Politics after World War II*. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press. 259 p.

Cento Bull, A., Hansen, H. (2016). On Agonistic Memory. In *Memory Studies*. Vol. 9. No. 4, pp. 390–404. DOI 10.1177/1750698015615935.

Coakley, J. (2004). Mobilizing the Past: Nationalist Images of History. In *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 10. No. 4, pp. 531–560. DOI 10.1080/13537110490900340.

David, L. (2020). *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press. 243 p.

Fedor, J. (2017). Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the “Immortal Regiment” Movement (Chapter 11). In Fedor, J., Kangaspuro, M., Lassila, J., Zhurzhenko, T. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus /* foreword by A. Etkind. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 307–345.

Hirsch, M. (2021). *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 428 p.

Importance of European Remembrance for the Future of Europe. 19 September. (2019). In *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 15.02.2022).

Informarsionnyi servis “Pamyat' naroda” [The Memory of the People Information Service]. In *Ministerstvo oborony Rossiiskoi Federatsii* [official website]. URL: https://mil.ru/commemoration/memorial/pamyat_naroda.htm (accessed: 15.02.2022).

Ivanushkin, G. (2016). Fond “Protyani ruku” otkryl bazu dannykh repressirovannykh v SSSR [The Give a Hand Foundation Opened a Database of Those Repressed in the USSR]. In *Agentstvo sotsial'noi informatsii* [website]. May 4. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2016/05/04/126007/> (accessed: 11.03.2022).

Khlevnyuk, D. (2010). Bernard Gizen. Triumf i travma [Bernard Giesen. Triumph and Trauma]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 9. No. 2, pp. 112–117.

Kurilla, I (2023). Understanding the Immortal Regiment: Memory Dualism in a Social Movement. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 75. No. 3, pp. 1–20. DOI 10.1080/09668136.2023.2197179.

Kurilla, I. (2022). *Bitva za proshloe: kak politika menyaet istoriyu* [Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow, Al'pina Publisher. 232 p.

Kurilova, A. (2017). V “Memoriale”⁶ naschitali 3 mln repressirovannykh [3 Million Repressed Counted in Memorial]. In *Kommersant.ru* [website]. Dec. 6. URL: <https://www.google.com/amp/s/www.kommersant.ru/amp/3488108> (accessed: 15.02.2022).

Levy, D., Sznajder, N. (2002). Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. In *Europ. J. of Social Theory*. Vol. 5. No. 1, pp. 87–106. DOI 10.1177/1368431002005001002.

Lushnikov, D. A. (2018). Degumanizatsiya i demonizatsiya kak mekhanizmy formirovaniya obraza vruga v kampaniyakh po negativnomu informatsionnomu vozdeistviyu [Dehumanization and Demonization as Mechanisms of Forming the Image of the Enemy in Campaigns on Negative Information Impact]. In *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. No. 5 (70), pp. 116–122.

McConnell, T. (2018). Memory Abuse, Violence and the Dissolution of Yugoslavia: Theoretical Framework for Understanding Memory in Conflict. In *Innovation: The Europ. J. of Social Science Research*. Vol. 32. No. 3, pp. 1–13. DOI 10.1080/13511610.2018.1508334.

O proekte “Podvig naroda” [About the *Feat of the People* Project]. (N. d.). In *Podvig naroda. 1941–1945* [website]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navAbout> (accessed: 15.02.2022).

O proekte [About the Project]. (N. d.). In *Bessmertnyi barak* [website]. URL: <https://bessmertnybarak.ru/about/> (accessed: 15.02.2022a).

⁶ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации и ликвидирована.

O proekte [About the Project]. (N. d.). In *OBD-Memorial* [website]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (accessed: 15.02.2022b).

Olick, J. (1998). Introduction: Memory and the Nation: Continuities, Conflicts, and Transformations. In *Social Science History*. Vol. 22. No. 4, pp. 377–387. DOI 10.2307/1171569.

Onlain-resursy Tsentra dokumentatsii [Documentation Centre Online Resources]. (N. d.). In *Muzei istorii GULAGa* [website]. URL: <https://gmig.ru/visitors/document-center/online-resources> (accessed: 16.02.2022).

Plamper, J. (2018). *Istoriya emotsii* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.

Siddi, M. (2017). The Ukraine Crisis and European Memory Politics of the Second World War. In *European Politics and Society*. Vol. 18. No. 4, pp. 465–479. DOI 10.1080/23745118.2016.1261435.

Todorov, Tz. (2009). Memory as Remedy for Evil. In *J. of Intern. Criminal Justice*. Vol. 7. No. 3, pp. 447–462. DOI 10.1093/jicj/mqp017.

Ustav polka [Charter of the Regiment]. (N. d.). In *Bessmertnyj polk* [website]. URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (accessed: 15.02.2022).

Zombory, M. (2017). The Birth of the Memory of Communism: Memorial Museums in Europe. In *Nationalities Papers*. Vol. 45. No. 2, pp. 1–19. DOI 10.1080/00905992.2017.1339680.

Zubrzycki, G. (2011). History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology. In *Qualitative Sociology*. Vol. 34. No. 1, pp. 21–57. DOI 10.1007/s11133-010-9184-7.

The article was submitted on 16.11.2022